

«ЙЕС!» contra «УРА!»:
ДВА МЕЖДОМЕТИЯ – ДВА МИРА

Т.М. Шкапенко

Балтийский федеральный университет имени И. Канта,
г. Калининград, Российская Федерация

В статье описывается механизм интродукции междометия *Йес!* в разговорные практики носителей современного русского языка. С помощью матрицы семантических примитивов А. Вежбицкой выявляется разница в сценарной прагматике междометий *ура!* и *йес!*. Обосновывается, что встраивание этноспецифичного американского языкового рефлекса, эксплицирующего ощущения победы и превосходства, в национальный фонд русских первичных междометий ведет к переформатированию культурно-поведенческой матрицы носителей принимающего языка.

Ключевые слова: междометие *йес!*, англо-американские заимствования, глобализация.

До 90-х годов прошлого столетия для лингвистических работ, посвященных изучению феномена междометий, было характерно убеждение о закрытости, неполноте фонда первичных междометий. Действительно, состав простейших звуков и их сочетаний, эксплицирующих эмоциональные реакции, усваивается в ранние периоды онтогенеза и приучение взрослого человека к выражению естественных, неподдельных эмоций с помощью заимствованных «вокальных жестов» может являть собой «свидетельство антропологического регресса» [4, с. 147]. Междометие – результат конвенции, условный языковой рефлекс, который вырабатывается в процессе социализации, при этом каждый этносоциум вырабатывает свой собственный репертуар интеръективов, определяющих на рефлексивном уровне эмоционально-оценочные нормы реагирования и поведенческие стереотипы.

На рубеже двух столетий, однако, все включившееся в процесс англоглобализации человечество стремительно освоило новую, англо-американскую систему эмоционального реагирования на определенные стимулы. Среди заимствованных интеръективов наибольшую популярность приобрели *вау* и *йес!*. Если междометный возглас *вау* вызвал достаточно мощную волну критики, многочисленные попытки лингвокультурного сопротивления и теоретического осмысления [2, 5 и др.], то вхождение междометия *йес!* прошло практически незаметно для публичного сознания и для внимания лингвистов. В то же время

яркая этнокультурная специфичность данного междометия заслуживает пристального внимания как психолингвистов, так и лингвокультурологов и социолингвистов.

И. Шаронов один из немногих упоминает *йес*, причисляя его к списку так называемых вокальных жестов, передаваемых 27-мью наиболее частотными первообразными междометиями [3, с. 562]. Причисление *йес* к группе первичных междометий представляется спорным даже в отнесении к языку-донору. Как показывает лингвокультурный анализ, междометие *yes!* возникает на основе эллипсиса популярного американского слогана *Yes, we (I) did it!* (*Да, мы (я) сделали это!*). Данная фраза входит в состав так называемых мотивационных слов, которыми американская нация стимулирует агентивность своих членов в постоянном стремлении к успешной конкуренции. В получившем уже статус прецедентного текста сочетании *Yes we can. Yes we did.* (*Да, мы можем. Да, мы это сделали*) соположение модальности возможности с модальностью уже свершившегося действия превращает данные краткие лозунги-констатации в суггестивные модуляторы языкового сознания американской нации.

Усечение «разъяснительной» части слогана *we did it* приводит к компрессии его содержания, что проявляется на уровне просодии в подчеркнуто эмфатическом произнесении согласного [й]: *йййес!*. Основной ситуацией употребления интеръектива в языке-доноре является одержанная кем-либо победа в различных сферах жизнедеятельности или получение желаемого результата. Основной областью функционирования интеръектива является политический, спортивный дискурс, а также разговорная речь. Например: *They've scored another goal.* - '*Yes!*' (*Они забили еще один гол! Йес!*); *We are the first. Yes!* (*Мы первые! Йес!*) [6].

Сопутствующие данным событиям радостные эмоциональные ощущения ранее передавались в русском языке только с помощью интернационального междометия *ура*. С начала 90-х годов употребление *ура* в речи становится все реже, в то время как *йес!* все активнее используется носителями русского языка и постепенно переходит на уровень спонтанных, интериоризированных эмоциональных рефлексов. По нашим наблюдениям, первым лингвокультурным транслятором победного возгласа *йес!* в России, как и во многих других странах, стала американская рождественская комедия «Один дома» («*Home alone*»), вышедшая в России в прокат 27 декабря 1993 года. Главный герой фильма, восьмилетний Кевин, каждый раз, когда ему удается нанести «поражение» незадачливым злодеям, сопровождает одержанную мини-победу возгласом *йес!*

В русском языке основными областями функционирования заимствования становятся политический и спортивный дискурс, а также разговорная речь. Симптоматичными и необходимыми для составления сценария междометия *йес!* с использованием алгоритма А. Вежицкой [1] представляются не только

ситуации-каузаторы, но и речевое сопровождение возгласа, например: *Йес! Мы их порвали! Йес! Я их сделал* и т.п. Данные и им подобные реплики эксплицитным образом выражают изначальную нацеленность говорящего на конкуренцию и конфронтацию, его ориентированность на эгоцентрический успех. *Йес!* – это не безобидный возглас радости, сопровождающий победу, а констатация чувства глубокой удовлетворенности достижением своих целей, а также осознание своего превосходства над остальными. Согласно матрице А. Вежицкой, сценарий *йес!* может быть представлен следующим образом:

Я очень хотел получить результат X,
Этот же результат X хотели получить другие,
Я получил результат X,
Другие не получили результат X.
Я сейчас чувствую что-то,
что чувствуют люди в этой ситуации.

Наиболее полно конфронтационный компонент американского интеръектива проявляется в ситуациях, в которых с кем-то случилось что-то плохое, что представляется оценивающему субъекту заслуженным актом возмездия и вызывает в нем чувства, которые могут быть охарактеризованы как торжество или злорадство. Например:

- *Думаю, йес!, так тебе и надо! Не будешь за другими юбками бегать.*
- *Йес! Получил по заслугам! Бог не фрайер!*

Для ситуаций данного типа более точным представляется следующий сценарий:

Йес! (сценарий 2)
X сделал У что-то плохое,
Теперь с X случилось что-то плохое,
У считает, что X заслужил это плохое,
Поэтому У чувствует что-то.

В отличие от *йес!* в коррелирующем с *ура!* фрейме выражается чувство радости и энтузиазма, без сопутствующего ему чувства превосходства. Например:

- *Ура! Меня приняли на работу!*
- *Ура! Лекции перенесли на завтра.*

Ситуации данного типа могут быть описаны с помощью следующего сценария:

Ура! (сценарий 1)
Случилось что-то очень хорошее
Я не думал, что это случится,
В связи с этим я чувствую что-то очень хорошее.

Возглас *ура!* не сопровождается силовой семантикой жестов и мимики, не предполагает изначальной нацеленности индивида или группы людей на достижение цели в конкурентном обществе. Напротив, самыми частотными

каузаторами в речи носителей русского языка становятся сообщения, связанные с перспективой приятного бездействия или неожиданной отмены урока, занятия и т.п.: «Ура! каникулы!», «Ура, отпуск!» и т.п. Междометие *ура* лишено конфронтационного компонента и его произнесение (часто коллективное), как правило, сопровождается улыбкой или другими жестово-мимическими способами выражения радости.

Ситуативный, а также контекстуальный анализ свидетельствует о том, что междометный возглас *йес!* прочно вошел в практику эмоционального реагирования носителей русского языка и представляет собой спонтанную реакцию на соответствующие стимулы. Например:

- *Йес!* – *триумфально пропела Грицак и решительно пошла в сторону зеленой машины* [О. Хмельницкая, Сокровище с неба].

- *"О йес, йес, йес, - заорал мой мозг, - Идет птичка да на клетку!"*. [К. Феридана, Накатоми].

- *«Йес!»* – *едва не вырвалось у отца Петра с Максимом Ивановичем, обрадованными не меньше Веньки*. [Ю. Шурупов, Джокер старого сыскаря].

Вхождение аксиологически чуждого интеръектива *йес!* в речевые практики и его интериоризация в языковом сознании, с одной стороны, на рефлексивном уровне приучает индивида к агентивной нацеленности на достижение успеха, с другой стороны, закладывает основы его существования в условиях постоянно актуализируемой оппозиции «свой – чужой», что приводит к переформатированию культурно-поведенческой матрицы носителей принимающего языка.

Библиографический список

1. Вежицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 611–647.
2. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 320 с.
3. Шаронов И.А. О новом подходе к классификации эмоциональных междометий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006). М., 2006. С. 561 – 566.
4. Шкапенко Т.М. Англо-американское междометие «*вау*» в современном русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 4. С. 141–149.
5. Шкапенко Т.М. О последствиях междометной американизации национального языкового сознания // Казанская наука, № 9. С. 79 – 81.
6. Urban – Urban Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: Urban - <https://www.urbandictionary.com>.